

TATE ENGINE

18+

Томма и Мерси

LIKE
BOOK

Опасные желания (Эксмо)

Tate Engine

Помешательство

«Эксмо»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Engine T.

Помешательство / Т. Engine — «Эксмо», 2026 — (Опасные желания (Эксмо))

ISBN 978-5-04-247405-7

Романтическая новинка про сводных брата и сестру в духе романов Анны Джейн «Запрети любить», Лены Сокол «Плохой девочки», Ники Сью «Прима». Рассказ Tate Engine «Протест» выходил в книге SOULMATE AU («Родственные души») — сборник рассказов в коллаборации с Фикбуком. На Фикбуке почти 100 000 просмотров. Софи Конец знойного бостонского лета, последние безудержные вечеринки с друзьями, подготовка к университету — наступающий сентябрь обещал мне начало новой жизни. Моя мама наконец была счастлива, потому что встретила достойного человека, правда, к нему прилагался чересчур агрессивный сын, чья сногшибательная внешность не могла скрыть внутреннего уродства. Я знала, что он возненавидел меня с первой встречи, и понимала, что нужно бежать. Но в этом не было смысла. Тогда я еще не подозревала, что, если у Кристофера Нолана появлялась навязчивая идея, он не гнушался использовать самые грязные методы, чтобы достичь цели. Мне просто не повезло, ведь в этот раз его навязчивой идеей стала я. Приятно познакомиться, Кристофер. Я сделаю все, чтобы держаться от тебя подальше. Крис Меня раздражало в ней все, одно лишь ее присутствие приводило в гнев. Будущая сводная сестра, я вылезу вон из кожи, чтобы нелепый брак наших родителей не состоялся. Не помню, когда я придумал план переспать с этой девчонкой и разбить ей сердце, но сейчас я уже сам не мог понять, где заканчивался мой спектакль и начиналось помешательство на чертовой Софи Кэрролл, которая, сама того не зная, поселилась у меня под ребрами. Плевать. Это ничего не меняло. Неприятно познакомиться, Софи. Я сделаю все, чтобы превратить твою жизнь в ад. «Плохой парень и хорошая девочка оказались под одной крышей, потому что их родители решили пожениться. Взрывная история, которая читается на одном дыхании. Написано остро, горячо и вкусно — так умеет только Tate». — К.О.В.Ш. Иллюстратор обложки: Кира Мори.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247405-7

© Engine T., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. Кристофер	7
Глава 2. Кристофер	12
Глава 3. Софи	19
Глава 4. Софи	25
Глава 5. Кристофер	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Tate Engine

Помешательство

© Tate Engine, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Кристофер

«Я не хочу любви. У меня просто нет на нее времени. Это слабость. Но я мужчина и, конечно, иногда хочу женщину. <...> Я не могу побороть свою страсть, но я ненавижу ее; она держит взаперти мой дух. <...> Женщины ничего не знают, кроме любви, они придают ей до смешного нелепую важность. Они хотят убедить нас, что она главный смысл в жизни. Но любовь – это малость. Мне известна похоть. Она естественна и здорова. Любовь же – всего лишь болезнь. А женщины – лишь инструмент для моего удовольствия; я не могу терпеть их желания быть нашими помощниками, партнерами и компаньонами¹».

Парадокс в том, что даже в самых скучных книгах я находил строки, за которые мог зацепиться. В свое время моей матери нравилось творчество Моэма, а я просто глотал все подряд из нашей домашней библиотеки, чтобы мой еще не до конца пропитый мозг не загнивал. Возможно, я зря тешил себя надеждой, что это поможет.

Захлопнув чуть потрепанный временем не слишком толстый томик, я откинулся на спинку кресла, прикрывая веками покрасневшие белки глаз и чуть расширенные зрачки. Буквы уже расплывались, не складываясь в текст, голова начинала гудеть. Лучшее, что я мог сделать для своего организма, – просто поспать пару часов, компенсируя свой хронический летний недосып, но в этом доме мое состояние мало кого волновало.

Главный герой начатого мною романа – художник – был популярен среди женщин, одна из которых, ведомая яростным кличем своего сердца и вожделием, даже ушла из семьи ради него, хотя была поставлена в известность, что он избавится от нее без раздумий, как только та начнет надоедать. Так и случилось. Мужчина со временем совершенно потерял интерес к обнаженному телу своей натурщицы, которая по совместительству была его любовницей и просто обезумевшей от страсти к своему мастеру женщиной. Милая пташка не выдержала боли предательства и покончила жизнь самоубийством.

Какая трагедия.

Однако я совершенно не питал к героине даже чего-то отдаленно похожего на сострадание. Меня тошнило от того, какая она бесхребетная и жалкая.

Художник ничего ей не обещал и даже открыто говорил о том, что их союз не будет долговечен. Но эта идиотка все равно пошла на поводу у своей гнилой душонки, ушла от безумно любящего ее мужа и закончила свою жизнь так ничтожно, что читать эту книгу дальше просто не было никакого желания, несмотря на то что эта сюжетная линия была даже не основной.

Я испытывал отвращение к этой женщине.

Я понимал главного героя.

Не провести параллель между нашими взглядами на жизнь было просто невозможно.

Моим любовницам я тоже ничего не обещал, но они никогда не теряли надежды стать для меня особенными. Они бросали своих сладких мальчиков, чтобы унизительно укладываться в мою койку по первому зову. Они говорили, что совсем не против свободных отношений, что не ждут от меня ничего серьезного, что им со мной просто очень и очень хорошо. А потом оказывалось, что у каждой из них все же имелись ожидания на мой счет, которые я не оправдывал. Девчонки срывали свои нежные голоса до хрипа, надрывали глотки, крича мне вслед, что я конченный подонок. Тоже мне новость! Запишите свои претензии в книгу жалоб и предложений, а потом засуньте ее себе в задницу.

Я был раздражен. Тошнотворная сюжетная линия лишь подкинула дров в тот грандиозный кошмар, что грозил потревожить мой покой. Эдакий непредвиденный поворот событий в

---

¹ Уильям Сомерсет Моэм «Луна и грош» в авторском переводе.

судьбе главного героя, который должен был изменить его жизнь на «до» и «после», но вовсе не обещал, что «после» будет лучше. Самым страшным было то, что в этот раз главным героем новой трагикомедии был я сам.

История стара, как наш ущербный мир: нагрел свои булочки в насиженном гнездышке, установил в нем свои порядки и правила, привык, но тут прилетает *огромная птица со своим замызганным птенцом* и в надежде построить своему детенышу достойное жилище начинает тащить соломинки из твоего.

Простите мне мою неизлечимую любовь к метафорам. Откровенно говоря, все это напрямую было связано с моей семьей, которая в ближайшее время обещала стать почти полноценной: с мамой, папой, сыночкой-корзиночкой и лапочкой-дочкой. Как с уродливого стокового изображения, где счастливое семейство неискренне улыбается в камеру и показывает большие пальцы вверх.

Я подавил рвотный позыв и, когда в гостиную зашел отец, снова уткнулся в книгу, даже не обратив внимания, на какой именно странице ее открыл.

«Она обладала бесконечным терпением и была готова на все, чтобы привязать меня к себе. Она желала опустить меня до своего уровня; я ее совершенно не волновал, она просто хотела, чтобы я принадлежал ей. Она была готова сделать все на свете для меня, кроме одного: оставить меня в покое»².

Как жизненно.

Почему-то ни одна из моих девчонок, и неважно, состояли ли мы в отношениях (если это можно было так называть) или же просто совокуплялись, как кролики, на любых горизонтальных поверхностях, не интересовалась моим внутренним миром (вероятно, потому что мой член находился снаружи). Они не знали о моих увлечениях и интересах, не спрашивали о проблемах в семье, не волновались за мое состояние. Но вот сделать меня своим – всегда пожалуйста. Чтобы просто иметь возможность рассказывать своим тупорылым подружкам о том, что именно она оказалась настолько особенной, что сумела приручить такого кобеля, как я.

Не на того напали, девчата, попридержите свои собственнические замашки. Единственная женщина, которой удавалось мной манипулировать, умерла пять лет назад, и я сомневаюсь, что кто-то из вас сможет перенять ее талант вить из меня веревки.

– Кристина с дочерью будут ждать нас в восемь, не опаздывай.

– Ага.

Главное, не отвлекаться от книги. Мой отец не за красивые глаза имел статус одного из ведущих психологов Бостона и прочитать в моем взгляде все, что я думал о предстоящей встрече, смог бы на раз-два.

Эта самая Кристина, чтоб она свалилась в овраг по дороге в центр из своей дешевой съемной квартирki на окраине города, претендовала на звание дамы сердца моего папеньки. Судя по ее фотографиям в социальных сетях, она не была похожа на разукрашенную молоденькую потаскушку, коих раньше пытался приводить в дом отец, но и особого доверия не вызывала: женщина в возрасте, денег по нулям, еще и дочурку пытается пристроить в местный университет. Сомневаюсь, что она с Мартином по большой любви, если только мы не говорим о любви к денежным средствам.

– И следи за языком сегодня вечером, Кристина – замечательная женщина, я не хочу, чтобы ты ее обидел. – Это не было просьбой. Слишком не в стиле Мартина. – Она не похожа на тех девушек, с которыми я раньше встречался.

– Потому что ей больше двадцати? – не удержался я.

– Именно. Ей тридцать восемь, Кристофер. – Отец не имел привычки отвечать на мои провокации, предпочитая говорить прямо и по факту.

---

² Уильям Сомерсет Моэм «Луна и грош» в авторском переводе.

В этот момент мне явно стоило заткнуться, я понимал это где-то на уровне подсознания.

– Ты полюбил обвисшие сиськи? – Таким образом я в очередной раз убедился в том, что единственные части моего тела, которые совершенно не поддавались контролю, – мой член и язык.

Я закусил нижнюю губу, чтобы из моего рта больше не посмело выйти нечто подобное. Портить отношения с отцом – последнее, чего я желал. Во всяком случае, пока зависел от него финансово. Папа действительно сыграл огромную роль в моем воспитании, даже смог собраться после смерти жены, всеми силами стараясь обеспечить мне достойное будущее: мне за многое стоило быть ему благодарным.

– Спасибо за то, что всегда меня поддерживаешь, сын.

Чертов мозгоправ. Как одной фразой заставить ребенка чувствовать себя последней сволочью? Спросите у моего отца. Он с удовольствием поделится своим опытом, правда, за определенную плату. Лучше бы наорал, приказал закрыть рот. Но нет, нужно было меня пристыдить, как нашкодившего школьника.

– Прости, – сквозь зубы, конечно. По-другому я не умел. – Ты прекрасно знаешь, что я не в восторге от того, что ты вообще с кем-то встречаешься после *нее*, так что не принимай близко к сердцу.

– А ты также прекрасно знаешь, как сильно я любил твою мать и что я сделал все, что от меня зависело, чтобы она прожила столько, сколько прожила. – Отец строго посмотрел на меня через отражение в зеркале, перед которым поправлял свой галстук. Я продолжал расслабленно сидеть в кресле, время от времени делая вид, что увлечен чтением. – Для человека, который спит со всем, что хотя бы отдаленно напоминает женщину, ты слишком сурово ограничиваешь мою личную жизнь.

– Меня не волнует, с кем ты спишь, папа. Просто не надо из каждой второй пытаться сделать для меня новую мать.

– Кристофер, я не пытался...

Ну конечно, все было на добровольно-принудительной основе, потому я не мог его не перебить.

– Ты приводил их в дом, ты просил меня улыбаться им! – Получилось чересчур эмоционально, и я сбавил обороты. – Это даже смешно, потому что ты взрослый человек, к тому же с такой профессией, тут и ребенку было бы ясно, что их интересовал не ты, а твой кошелек.

Отец нахмурился и повернулся ко мне. Чтобы достойно встретить его взгляд, я вздернул подбородок.

Мне было некомфортно в этих чертовых брюках и этой чертовой рубашке. Несмотря на то что старшая школа и два года армии по контракту были уже позади, отделаться от любви к подростковым шмоткам не получалось. Но сегодня особый случай. Я должен был отвезти бумаги в университет и договориться о собеседовании с куратором, к тому же эта одежда вполне подходила для встречи с будущей мачехой и сводной сестричкой в «Брикко». Меня душило все: тугой воротничок, спор с отцом, мысли о знакомстве с Кристиной и ее дочерью. Я даже невольно скрипнул зубами.

– Кристофер, не хотелось бы тебя разочаровывать, но это пока тебе двадцать, девчонок привлекает твоя подтянутая задница и ангельское личико. Через пару десятков лет ты с удовольствием будешь раздавать направо и налево любые деньги, чтобы молоденькая симпатичная девушка просто посмотрела в твою сторону. – Голос отца выдавал раздражение, хотя он отлично умел скрывать свои эмоции. – В общем, я не пытаюсь оправдаться за последние годы своей жизни, лишь прошу меня не судить: кто знает, как ты себя поведешь, если так рано потеряешь любимую женщину. То, что я решил сойтись с Кристиной, большой шаг для меня, потому что она уже состоявшаяся личность с большим опытом за плечами. Я не пытаюсь заменить тебе мать, я пытаюсь дать себе хоть один шанс не сдохнуть в старости в одиночестве.

Схватив с журнального столика ключи от автомобиля, папа двинулся в прихожую, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Волосы у Кристины были явно крашеными, хотя ей определенно шел этот каштановый оттенок. Женщина не выглядела на свои тридцать восемь, потому что глаза у нее были живыми и яркими, а взгляд становился немного лукавым, когда она улыбалась. Она совершенно не была похожа на мою мать, но и с блондинистыми подружками моего отца не имела ничего общего.

Плюсом в копилку Кристины был тот факт, что она не лезла из кожи вон, чтобы мне понравиться. Эта женщина не навязывалась с вопросами, не проявляла наигранное участие: по большей части она разговаривала с моим отцом, позволяла себе совершенно неженственно шутить и не строила из себя кокетку.

Жирным минусом была дочь, которая так и не соизволила явиться, даже через полчаса после назначенного времени.

– Софи написала, что скоро подъедет. Я понимаю, что это не очень красиво, но она не смогла отпроситься с работы пораньше. – Я даже не стал отрывать взгляда от тарелки, чтобы хоть как-то скрыть собственное раздражение.

Еще одна вещь, которую я ненавидел в людях, – непунктуальность. Она шла где-то наравне с отвратительными попытками во всем себя оправдать. Пробки, работа, не прозвонил будильник – глупые детские отмазки безответственных и не умеющих организовать себя людей. Эта девчонка заочно не вызвала во мне симпатию.

– А где она сейчас работает?

Нет, я не вынесу типичные мамочкины рассказы об идеальной дочери, которая борется со всеми невзгодами этого жестокого мира, работая на пяти работах, успевая учиться и помогать любимой матушке.

Я знал великое множество таких безгрешных девочек, которые крутили задницами в своих платьишках официанток, убаюкая богатых дядек за безделушки, а потом ангелочками возвращались в свои кукольные домики к мамам. Мамам, которые и понятия не имели, как их святые дочери живут на самом деле.

– Прошу прощения, я на минуточку.

Отец мне кивнул, Кристина вежливо улыбнулась.

Я достал из кармана брюк пачку «Мальборо» и засунул себе в рот сигарету, даже не успев выйти из ресторана.

Сентябрьский воздух по-прежнему отдавал летом. Теплый вечер, который хотелось провести совершенно иначе. Возможно, в квартире Шона, наблюдая за тем, как он трепетно целует свою обожаемую Иву каждые две с половиной секунды. Возможно, в компании очередной доступной девчонки.

Глубокая затычка обожгла глотку, и я стиснул зубы, отвлекшись на звук подъезжающего автомобиля.

Дешевая, явно подержанная тачка с покоцанным бампером. Внутри кудрявый парнишка в кепке козырьком назад и русая девчонка, улыбающаяся во все тридцать два. На вид лет семнадцати, может, немногим больше.

Я наблюдал, как она выходила из машины. Узкая юбка чуть выше колена, заправленная в нее блузка с широкими рукавами. Фигура немного угловатая, совсем плоская спереди, но сзади была ничего. Во всяком случае, в моем воображении в коленно-локтевой позе она выглядела неплохо, а эти рыжевато-русые волосы были достаточно длинными, чтобы наматывать их на кулак. Почему-то мне показалось ужасно забавным то, что я представлял это прямо в присутствии ее нелепо-кудрявого бойфренда.

Я невольно усмехнулся, выдыхая сизый дым из своих легких.

Именно в этот момент героиня моей внезапно разбушевавшейся фантазии повернулась ко мне лицом. С расстояния в три метра было несложно разглядеть тонкие черты по-настоящему красивого лица. Черты, которые, кажется, я уже имел возможность сегодня изучить. Да и живые карие глаза сразу же выдавали сходство с Кристиной.

Неприятно познакомиться, Софи.

Глава 2. Кристофер

Я смотрел на свою будущую сводную сестру, практически не отводя взгляда, и думал о том, что меня давно никто не раздражал так сильно одним лишь своим присутствием. То, как она лукаво улыбалась моему отцу, то, как закусывала губу, отвечая кому-то на сообщения, то, как заправляла за уши волосы, чтобы не лезли в глаза, – в ней бесила каждая мелочь, и мне дико хотелось (как и несколькими минутами ранее у входа в ресторан) намотать ее волосы на кулак и аккуратно макнуть лицом прямо в ее недоеденный шоколадный десерт. Никакого садизма, просто вид ее измазанного лица здорово повеселил бы меня. Я был склонен к агрессии, но никогда не позволял себе поднимать руку на девушку, хотя теперь подумывал изменить своим принципам, потому что продолжать и дальше держать себя в руках казалось чем-то невозможным.

К слову, по большей части я всегда относился к новым знакомым довольно равнодушно. Этот вечер был исключением. Я понимал, что моя злость в первую очередь была вызвана тем, что две эти особы вмешивались в мой привычный уклад жизни, а мне, как любому другому консервативному человеку, было трудно привыкать к изменениям. К нынешней ситуации вполне можно было отнестись философски: мало ли вдовцов, которые, сбросив с себя остатки прежней скорби по утерянной любви, снова решают начать жизнь с чистого листа? Но сейчас я практически захлебывался от ярости, которая накрывала меня с головой, не давая простора другим человеческим эмоциям. Ненавидеть всех подряд не было какой-то моей дурацкой фишкой, просто минутой ранее мой отец и Кристина *объявили о помолвке*. Я, естественно, сидел как в воду опущенный, пытаюсь переварить полученную информацию, в то время как на лице Софи не дрогнул ни один мускул.

Она знала.

Безусловно, она знала о том, насколько далеко своими гадкими ручонками забралась ее мамаша. Отсюда эта рассеянная улыбка на губах, отсюда это спокойствие во взгляде.

Отсюда и мое желание ее убить.

– Ты собираешься жить в общежитии? – Я украдкой взглянул на отца, который обращался к Софи, хотя сам в это время рассматривал помолвочное кольцо на руке Кристины, которое мягко мерцало в приглушенном свете ламп.

И как я мог не заметить?

Я перевел взгляд на спокойное лицо Кристины, затем снова посмотрел на ее дочь, которая улыбалась так широко, что ее физиономия с минуты на минуту должна была треснуть. Еще одним неприятным открытием сегодняшнего вечера оказалась фамилия моей будущей сестры – Кэрролл.

Даже ее фамилия бесила, потому что мне показалось, что Софи вместе с ней вероломно украла часть хороших воспоминаний из моего детства. В свое время «Алиса в Стране чудес» была зачитана мною до дыр, а теперь фамилию когда-то любимого писателя носила эта пигалица.

– Ну да. Квартира, которую мы снимаем, слишком далеко от университета, не хотелось бы тратить столько времени на дорогу. – Я поймал себя на мысли, что все ее очарование, которым она просто окатывала моего отца, – напускное. Оттого совершенно не мог понять, почему же мой дорогой родственник не может раскусить эту лицемерную идиотку. А как же его хваленый профессионализм?

Слишком часто улыбается, слишком много шутит, слишком много смеется, показывая зубы. В ней всего было слишком.

– Мы с Кристофером живем на Карлтон-стрит, оттуда до университета можно идти пешком. Мы с Кристиной в любом случае планируем съехаться в ближайшее время, ты тоже могла

бы жить в нашем доме, мы ведь будем семьей. Да и гостевых спален у нас полно: выберешь любую, и она станет твоей. – Слушая отца, я все время думал о том, каким же приятным и вдохновляющим было это волшебное ощущение, что мое мнение здесь волновало примерно никого. – Насчет обустройства не беспокойся, при желании там все можно будет изменить.

У меня, наверное, уже пар шел из ушей, а зубы так громко клацали друг о друга, что Софи это услышала, поэтому бросила на меня удивленный взгляд и вскинула брови. Продолжая смотреть мне в глаза, которые, держу пари, просто излучали накопившуюся злость, она спокойно ответила моему отцу, даже не переводя на него взгляда, словно говорила не ему, а мне.

– В этом нет необходимости, я уже приняла решение. – Прервав наш зрительный контакт, девчонка повернулась к моему отцу и улыбнулась. – Время от времени я с удовольствием буду заглядывать в гости, но мне действительно хочется вкусить все эти прелести студенческой жизни, поэтому я пока не собираюсь менять планы. Я уже договорилась насчет места в комнате, даже видела свою будущую соседку, – добавила девушка, лукаво прищурился глаза и улыбнувшись еще шире. Почему ее лицо все еще не разошлось по швам? – Есть в этом какая-то романтика, да? Кампус, общие душевные, постоянный шум вокруг. Хотя, возможно, я просто пересмотрела фильмов про университетскую жизнь и вскоре пожалею о своем решении. – Я все еще не сводил глаз с Софи, которая глуповато посмеивалась над собственными словами. Самым отвратительным было то, что взрослые тоже сочли ее речь забавной и улыбались во все тридцать два. – Да и не хотелось бы вас стеснять.

– Ты не будешь нас стеснять. Ни я, ни Кристофер не против. Кристофер?

О, я был очень против. Никто даже вообразить не мог, насколько.

– Ну конечно, нет, Софи. – Я включил на максимум свой актерский талант. – Было бы даже здорово, если бы в доме жила моя ровесница, к тому же такая хорошенькая, с которой в любое время можно поболтать или, скажем, – я выдержал паузу, – посмотреть вместе фильм, если не спится.

Я поиграл бровями, изобразив на лице подобие улыбки. За столом повисла тишина. Что, получилось недостаточно искренне? Или все уловили мои недвусмысленные намеки?

Воображение тут же подкинуло горячую сцену, в которой моя названная сестренка с испуганным взглядом и распахнутым на уровне моей ширинки ртом кивает куда-то мне за спину, где стоят наши родители, шокированные маленьким эротическим шоу от своих чад.

– Звучит неплохо, Кристофер, хотя я не особо люблю кино, но все зависит от компании, в которой смотришь. – Софи повела бровью, словно бросая мне вызов. Откинувшись на спинку стула, я наклонил голову, глядя на нее исподлобья. – Можем как-нибудь устроить семейный киноужин с пиццей и попкорном. Наши родители, ты, я и твои непрозрачные намеки. Места хватит всем, насколько мне известно, у вас достаточно большая гостиная.

Выкрутилась, маленькая стерва.

– Было бы здорово. – Оставалось лишь надеяться, что моя следующая улыбка вышла не совсем уж кислой. Пресытившись игрой в гляделки с Софи, я перевел взгляд на ее мать. – А почему у вас с дочерью разные фамилии? Вы в разводе, Кристина? – невинно спросил я и услышал, как мой отец прочистил горло. – Прошу прощения, если мой вопрос бестактен, папа почему-то ничего о вас не рассказывал.

– Ты не обязана отвечать на вопросы, которые тебе неприятны, Кристина. – Пока папа строил из себя заступника, мне ужасно хотелось закатить глаза, чтобы не видеть эти псевдо-счастливые лица.

– Обычный вопрос, Мартин, не делай из этого трагедию. – Эта женщина имела такой уверенный взгляд, что даже начала вызывать мое уважение. Самую малость. Оно не доминировало над моим презрением к ней. – Я никогда не была замужем, но с отцом Софи мы были в хороших отношениях, поэтому я ничего не имела против того, что у моей дочери будет его

фамилия. Мы с ним разошлись, когда она была совсем ребенком, больше десяти лет прожили с моими родителями в Лоренсе, затем перебрались в Бостон.

– А что не так с Лоренсом?

Катитесь туда обратно, пожалуйста.

– Мне предложили здесь более высокооплачиваемую должность, а Софи еще со средней школы планировала поступать в Бостонский университет. Решение переехать было очевидным. – Либо Кристина заранее готовилась ко всем возможным вопросам, либо эта женщина имела больше от робота, чем от человека.

– И вы решили сразу переехать к моему отцу? Это удобно.

– Кристофер!

Голос отца немного остудил мой пыл. Я заставил себя расслабиться и снова откинулся на спинку стула. Украдкой я посмотрел на Софи, которая не сводила с меня осуждающего взгляда. Ой, крошка, оставь эти взгляды для тех, кого твое мнение волнует хотя бы немного.

– Нет, не сразу. Софи заканчивала здесь старшую школу, а должность, о которой я говорила, я занимаю уже чуть больше двух лет, так что в Бостоне мы обустроились давно и достаточно основательно. Знакомство с твоим отцом никаким образом не повлияло на нашу жизнь здесь.

– Отлично, – сквозь зубы процедил я. – Вы не подумайте, я ничего не имею против. Наоборот, здорово, что папа наконец нашел себе спутницу жизни. – Мне казалось, что у меня в скором времени будет изжога от невероятного количества исторгнутого мною вранья. Оно практически сформировалось в тугой ком в глотке. – Я счастлив, если счастлив мой отец.

– А я буду очень счастлив, если ты пойдешь перекуришь, подумаешь над тем, что, как и кому ты говоришь, а потом вернешься сюда и поиграешь в лапочку-сына.

Ну вот, похоже, папочка не верил в мою искренность.

Фыркнув, я поднялся, выживая из кармана пачку сигарет. Вот умеют же люди довести до кипения, даже не прикладывая особых усилий. На каких курсах этому обучают? Я бы купил их без раздумий за любую сумму с папиной кредитки.

Я уронил свою задницу на лавку, которая стояла рядом с «Брикко», где мы сидели, казалось, непозволительно долго, и с наслаждением втянул в себя горьковатый дым. Он обволакивал мысли и помогал отвлечься от того, что мне придется вернуться за тот дурацкий столик с кипенно-белой скатертью, вокруг которого царила эта до тошноты семейная атмосфера. Вернуться в заведение, в котором сегодня играли на скрипках, делая и без того отвратительный вечер еще более ублюдским.

Впрочем, единственный момент, когда я имел возможность побыть наедине со своими мыслями, тоже был безвозвратно испорчен, потому что понять, что людям, жизнь которых переворачивается с ног на голову за считанные часы, иногда нужно посидеть в одиночестве, – слишком сложная задача для малолетних прилипал, вроде этой вездесущей Кэрролл.

Ее голос резанул по ушам, и я поморщился.

– Слушай, нам ведь необязательно общаться и все такое, моя мама не особо навязчивая, трогать дома тебя никто не будет, а я там жить тем более не стану. Не понимаю, зачем ты устраиваешь сцены. – Рядом со мной уселось это угловатое создание, беззаботно закуривая сигарету. Я бросил на девушку мрачный взгляд, отметив, что с сигаретой в руке с эстетической точки зрения Софи выглядела неплохо. Но курящих девушек, следуя моде и общепринятым понятиям, я не любил, поэтому Кэрролл упала в моих глазах еще ниже. Хотя, казалось бы, куда уж ниже? – Твое поведение, похоже, задевает только твоего отца, а ты, как мне показалось, как раз его-то и не хочешь расстраивать.

Она говорила что-то еще, я был уверен, хотя не вслушивался, потому что обратил внимание на ее ноги. Щиколотки тонкие, ступни узкие, размер ноги казался небольшим. Красные лодочки, как по мне, выглядели дешево, но зачатки вкуса у этой девчонки были. Чего у нее

точно не было, так это денег, потому что торчащие из блузки нитки и замаскированные лаком стертые куски кождама на обуви выдавали ее с головой.

Но ее ноги мне понравились.

Она вообще относилась к тому типу девчонок, про которых парни обычно думают «я бы ей вставил». Софи хорошо выглядела, умела себя подать и казалась достаточно неприступной, что добавляло ей очков. Одновременно с этим она достаточно грамотно говорила, не вставляла повсеместно слова-паразиты, чтобы заполнить паузу и заглушить скрип недалекого ума, и даже вполне удачно шутила. Если бы не все прочие обстоятельства, я бы точно за ней приударил, проверив ее недоступность парой шотов текилы.

Когда девушка закончила говорить и отвернулась, я еще раз пробежался взглядом по ее фигуре. Она этого не заметила, потому что смотрела в другую сторону – на то место, где часом ранее припарковался ее бойфренд, который, похоже, решил не дожидаться окончания семейного ужина и уехал по своим делам. Мне хотелось удрать вслед за ним, и Софи, скорее всего, разделяла мои желания.

И все же было неприятно признавать, что мне дико нравилось то, что я видел перед собой. Длинные пальцы, сжимавшие сигарету, тонкие запястья, здоровый цвет кожи, хорошие блестящие волосы. Практически не к чему было придраться: даже если у нее и были какие-то заметные несовершенства, она ловко их прятала от чужих глаз, создавая образ нимфетки.

Да, я бы наверняка попытался за ней приударить.

Мысль, которая внезапно пришла мне в голову, заставила губы растянуться в шальной улыбке. Софи уже вовсю пристально смотрела на меня, когда я соизволил лениво поднять на нее взгляд.

– Почему ты не хочешь жить с нами? – совершенно проигнорировав суть ее слов, спросил я, прицепившись к фразе, которая поворачивала наш диалог в нужное русло. – Что бы ты там себе ни напридумывала, я совсем не против того, чтобы ты обитала в нашем доме.

Кэрролл фыркнула и покачала головой.

– Очень смешно.

– Кроме шуток. Могла бы попытаться сэкономить деньги моего отца. Даже если мы закроем глаза на стоимость обучения в Бостонском университете, на оплату общежития тоже нужны средства, ты ведь в курсе?

В ее глазах блеснул дьявольский огонек.

– Спасибо, умник. – Софи раздраженно повела плечами и уставилась на вход в кофейню напротив. – И деньги твоего отца к моему обучению и проживанию в кампусе не имеют никакого отношения. Я собираюсь сама оплачивать свою учебу, так что можешь не переживать, Мартин не обеднеет. Все его кровно заработанные денежки пойдут на драгоценного сыночка, который любит совать нос не в свои дела.

Чтобы оплатить год в Бостонском университете самостоятельно, она должна работать как минимум элитной проституткой, параллельно выкладывая обнаженку на соответствующие сайты, но говорить об этом вслух я, конечно, не стал. Сейчас моей целью было настроить ее на позитивный лад, чтобы принятое ею решение соответствовало моим не до конца сформированным безумным идеям.

– Допустим, – сдался я. – Тогда почему бы не сэкономить свои деньги? Собственная спальня, ванная комната, личное пространство, любимая мамочка и богатенький отчим под рукой: условия у нас явно получше, чем в общежитии. Вдруг твоя соседка окажется неадекватной или будет таскать к себе парней?

Кэрролл заразительно улыбнулась и снова посмотрела на меня.

– Это скорее плюс: возможно, это мой последний шанс на личную жизнь.

Я усмехнулся, но тут же осекся: я не собирался поддаваться ее обаянию. А еще я отметил про себя, что тот кудрявый парнишка, который подвез ее сегодня, похоже, был просто ее

приятелем, раз она говорила об отсутствии личной жизни. Так даже лучше. Хотя вряд ли тот недоумок смог бы мне помешать.

– А если серьезно? Почему ты отказываешься? – Если честно, мне было плевать, почему.

Она могла назвать тысячу аргументов, каждый из которых разбился бы об мое уверенное «хочу».

Девушка затушила бычок о край лавки и выбросила его в урну. Она повернулась ко мне всем телом, уверенно встречаясь с моим взглядом. Вздернутый подбородок и легкая поволока в глазах буквально кричали о том, что Софи была на все сто уверена в себе, отчего немедленно захотелось сбить с нее спесь.

– Свои причины я уже называла, ты прослушал, наверное. А у тебя что? За столиком ты меня чуть ли не вилок мечтал заколоть, а теперь хочешь, чтобы я жила с тобой в одном доме? Тебе не кажется, что у тебя биполярное расстройство? Или, может, мазохистские замашки?

Я сделал вид, что задумался, вытянув губы трубочкой.

– Ну, скажем, у меня тоже есть на то определенные причины.

– И мне, похоже, знать о них необязательно.

Обязательно, но не сейчас.

– Милая, я не люблю сразу раскрывать все свои карты. Должна же быть во мне какая-то интрига? – Я улыбнулся, чуть ли не оголяя десны, вполне искренне, чтоб вы знали.

Впервые за этот вечер искренне.

В голове я еще не успел сформировать конкретную цель, которую преследовал своим заявлением. Я лишь подумал о том, что совершенно никак не мог повлиять на решение своего отца, а уж на его пессию тем более, потому что ее, казалось, уже ничто на этой планете не задевало.

А вот с Кэрролл я вполне мог что-нибудь устроить.

На худой конец хоть как-то отыграться за то, что в мою жизнь нагло вторглись, не спрашивая на то моего разрешения, и эта всезнающая мисс «обаяние» просто идеально подходила на роль объекта моей маленькой мести. Пока ничего не планируя, не продумывая грандиозных пошаговых инструкций, я просто понял, что не имею права не воспользоваться таким шансом. Если Софи будет жить со мной, я найду все ее болевые точки и надавлю на каждую так, чтобы она даже мамаше своей не могла на меня пожаловаться, но зато тысячу раз пожалела бы о том, что Кристина посмела претендовать на роль самой лучшей женщины, которая когда-либо существовала в моей жизни, – моей матери. И пусть Кэрролл совершенно не была в этом виновата, я прикормил своих демонов, которые разогнали крупницы моей совести. Я заткнул за пояс все хорошее, что во мне оставалось, потому что злился так сильно, как не злился уже давно. И это чувство накрывало меня с головой, не позволяя разумным мыслям взять верх.

Я улыбался самой сладкой улыбкой, на которую был способен в этот момент, и почти расхохотался, когда увидел, как Софи скривила свое лицо. Мимика у нее была потрясающей.

– Ты серьезно думаешь, что после твоих слов у меня прямо-таки возникнет острое желание ехать в ваш дом? Чего ради? – Ее голос просто сочился недовольством, оттого мне еще сильнее хотелось поставить ее на место.

И я собирался сделать это любой ценой.

– Это уже не так важно, – отозвался я. – Главное, что это желание есть у меня, остальное – дело времени. Я, если честно, просто терпеть не могу, когда что-то идет не так, как этого хочу я, поэтому иногда приходится идти по головам.

– Удачи тебе в этом.

Лучше себе пожелай, Кэрролл. Во всяком случае, я был почти честен с тобой.

– На твоём месте я бы лучше сразу согласился, – добродушно откликнулся я. – Вдруг я выберу какой-нибудь неприятный способ, чтобы тебя заставить?

Софи встала со своего места, очевидно, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. Я знал об этих приемах от своего отца, поэтому совершенно не чувствовал себя загнанным в угол. Девушка заметно дрожала, то ли от холода, то ли от злости.

– А ты не на моем месте, так что не тебе решать.

Вызов в ее глазах мне понравился.

Кэрролл развернулась, чтобы вернуться внутрь, но я, тоже подскочив со своего места, схватил девушку за локоть и повернул к себе. В ноздри ударил запах сладковатых духов, ее горячий выдох пришелся куда-то в область моей шеи. До мурашек. Боже, какой восхитительной оказалась химия между нами. Я едва сдержался, чтобы не облизать губы. Лопатки свело от удовольствия.

– Подумай над моими словами, Софи. Я обещаю быть хорошим братом.

К слову, свои обещания я сдерживал не всегда.

Ком в горле исчез.

Я так долго ощущал себя загнанным в клетку зверем, что, почувствовав толику контроля над ситуацией, наконец вдохнул полной грудью. Я наслаждался этим бегающим взглядом карих глаз, прерывистым дыханием, тем, как ее передернуло от моего прикосновения. Софи буквально попятилась от меня в сторону входа в ресторан, как напуганный зайчик, пытающийся всеми способами спастись от хищника. Вот только рядом не было тернового куста. От прежней уверенности этой девчонки не осталось и следа. Мне так хотелось, чтобы она почувствовала то, чем я захлебывался в последнее время: это пресловутое непонимание, тревогу, страх. Что угодно, лишь бы больше не видеть веселые искорки в этих живых глазах.

Когда мы подошли к столику, родители начали сетовать на то, что время уже позднее и нам пора расходиться по домам. Лично у меня настроение под конец вечера было приподнятым, и даже то, что мой дорогой родитель-производитель попросил меня подвезти Кэрролл в их несчастную квартирку, его не испортило.

Я лишь надеялся, что никто не заметил моей хищной улыбки.

У Кристины и отца были еще какие-то планы на этот вечер, поэтому мы даже не успели толком попрощаться, но я не без удовольствия наблюдал, как хмурилась Софи, всем видом показывая свое недовольство тем, что ей придется ехать со мной в одной машине.

– Сделай лицо попроще, Кэрролл, в конце концов ты садишься в «БМВ», а не в то корыто, на котором сюда приехала.

– Тачка шикарная, просто водитель так себе.

Ну нет, я не собирался продолжать эти детсадовские разборки. Ей оставалось только показать мне язык для пушного эффекта.

И, о боги, она действительно это сделала, когда уже сидя в машине я бросил на нее снисходительный взгляд. Добро пожаловать в мир беззаботного детства и зеленых соплей.

Я никак не мог составить о Софи определенное мнение. Я был уверен только в том, что она привлекательная и не тупая, раз поступает в наш университет, но вела она себя то как стерва, то как ребенок, то смеялась, то злилась, то боялась, то снова язвила – и все это в пределах десяти минут. Мой эмоциональный диапазон, по сравнению с ее, оставлял желать лучшего.

Когда мы ехали по Бикон-стрит, Кэрролл протянула свою тощую ручонку, чтобы переключить песню, но тут же получила легкий шлепок по запястью.

– Ауч.

– В машине в первую очередь должно быть комфортно водителю, а недо-штурман может и потерпеть.

– Здесь становится душно.

Она отвернулась и приоткрыла окно. Мы как раз проезжали мимо корпусов Бостонского университета. Я засмотрелся на ее чуть выющиеся у висков пшеничные волосы, которые раз-

вевал ветер, и, чтобы заполнить тишину, решил завести светскую беседу. Мне в любом случае было невыгодно, чтобы она считала меня совсем уж ублюдком до того, как переберется в наш дом.

– И каким образом ты собираешься оплачивать свое обучение?

Кэрролл расслабленно сидела рядом, не реагируя на звук моего голоса, но потом все же решила ответить.

– Деньги на первый год обучения мы накопили совместно с мамой, а потом мне удалось получить президентскую стипендию, это скостило больше половины стоимости, оставшуюся сумму собираюсь покрыть займом, как и все, собственно. – Софи повернула голову в мою сторону, и я посмотрел на нее в ответ. – К тому же я подрабатываю.

Я на несколько секунд отвлекся от дороги, вслушиваясь в тембр ее голоса, рассматривая ее спокойное лицо, а потом замер, потому что снова поймал себя на мысли, что Кэрролл...

Красивая.

Как бы я ни злился из-за всего случившегося, этот факт отрицать было глупо. Она меня привлекала. В моей черепушке постепенно начинал вырисовываться план моей маленькой мести, я понимал, что именно нужно делать, чтобы потешить свое самолюбие и заглушить обиду на отца. И, похоже, на весь мир сразу. Главное, до последнего держать себя в руках и не поддаваться ее чарам, но тут я в себе был уверен.

– И что ты собираешься изучать? – на автомате спросил я, продолжая гонять в голове мысли.

– Право.

Я улыбнулся лишь уголками губ, стараясь не выдать внутреннего ликования.

Пока Кэрролл было совершенно не обязательно знать, что сегодня я отнес документы в Школу права при Бостонском университете, а это означало, что первые два года, мы с ней будем просто не разлей вода.

Глава 3. Софи

На экране высветилось оповещение о пришедшем сообщении в социальной сети, и я разблокировала экран, чтобы ответить. Я уже второй день ждала признаков жизни от Тони, который после нашей последней вечеринки так и не вышел на связь: в любом случае мы с Бри надеялись, что родители не решили снова посадить нашего кудрявого друга под домашний арест за то, что мы распили бутылку отцовского виски в их доме.

Прямо за столом с белоснежными кружевными салфетками.

Родители Тони были чересчур консервативных взглядов, а нам, пока мы были молоды и прекрасны, хотелось делать глупости. За грань разумного мы не заходили, поэтому тот факт, что нашему другу все время доставалось, нас порядком удивлял. И забавлял. Словно нам уже удалось пересечь порог взросления, а ему все еще меняли подгузники.

Что и следовало ожидать, сообщение было не от него.

Бриттани Браун:

Тупой день. Ненавижу чертовых студентов. Пришли сюда завтракать и обсуждать свои грандиозные планы на год, пока я полирую столы какой-то химозной штукой. У меня на руках уже раздражение, серьезно, хотя я в перчатках работаю. Надеюсь, у тебя все еще хуже, потому что я не намерена страдать в одиночку.

Софи Кэрролл:

Ну я сижу на лекции в одном из самых престижных университетов США, отлично выпала, прекрасно себя чувствую. Тебе уже лучше?

Бриттани Браун:

Ты – самое отвратительное, что случилось в моей в жизни.

Софи Кэрролл:

Я знаю. Если тебе станет легче, то, честно говоря, лекция жутко нудная, я замерзла и, кажется, сейчас умру от боли в животе.

Бриттани Браун:

Мне легче.

Я в этом сильно сомневалась, если быть откровенной.

Мы с Бри были одноклассницами еще в Лоренсе, и я всеми силами поддерживала ее в желании поступить в Бостонский колледж искусств. Начало рассказа неплохое, конечно, достойное типичного американского фильма про то, как простой девчонке удалось-таки достичь успеха, вырваться из маленького городка и стать звездой, но все сложилось не так, как мы планировали. Во всяком случае, в подростковых комедиях такого не было.

С одной стороны, были ее родители, которые заметили в дочке нехилый талант к точным наукам и мечтали пристроить ее в «нормальное учебное заведение». А с другой – я, лучшая подруга, которая, брызжа слюной, пела песни о том, что только сама Бриттани в праве решать, кем будет в будущем. В итоге на вступительных она провалилась, и я испытывала чувство вины перед Браун за то, что в отличие от нее успешно поступила в университет. Чтобы с позором не возвращаться в родной Лоренс и не выслушивать в очередной раз типичное родительское «а мы ведь тебе говорили, что так будет», подруга решила остаться в Бостоне и устроиться на

работу. Ничего лучше, чем вакансия официантки в кафе, она не нашла и, привыкшая довольствоваться малым, почти искренне улыбалась и говорила, что все еще наладится.

Воспоминания о Бри и парочке утренних казусов заставили меня устало выдохнуть. Я совершенно точно лукавила, когда писала подруге о своем самочувствии в первый учебный день.

Отложив телефон, я достала карманное зеркальце, чтобы полюбоваться на причину моего «прекрасного» расположения духа. Мало того что этот дурацкий прыщ над правой бровью испортил с утра настроение, так еще и толком замазать его не удалось, потому что все валявшиеся в косметичке корректоры были слишком светлыми для моей загоревшей за лето кожи. А еще на фоне волнения перед ответственным днем месячные пришли раньше чуть ли не на неделю, поэтому мне пришлось отказаться от светлого платья, в котором я собиралась пойти на занятия, и натянуть на свою задницу скучные черные джинсы, которые, как оказалось, еще и стали мне велики.

Почему все эти мелкие девичьи неприятности всегда должны случаться в те дни, когда просто позарез нужно выглядеть на все сто? Не то чтобы я поступала в университет, дабы обзавестись поклонниками, но приятное впечатление произвести хотелось, тем более в первый учебный день, который казался мне чем-то до ужаса важным, словно именно сегодня все вокруг, от преподавателей до студентов, должны были составить обо мне свое мнение. Но раз уж все пошло по причинному месту с самого утра, я решила, что уже нет смысла лезть из кожи вон, чтобы исправить ситуацию, поэтому со спокойной душой надела дешевую серую толстовку и собрала волосы в небрежный пучок.

Мое впечатление от первой лекции, которая шла уже больше получаса, было смазанным. Почему-то я ожидала увидеть молодого и бойкого преподавателя, влюбленного в свой предмет и заражающего своим энтузиазмом всех остальных. Но как бы не так. Голос профессора был до ужаса занудным, он не обращал внимания на опоздавших, продолжая бубнить что-то себе под нос, совершенно не заботясь о том, что в потоковой аудитории и в такой атмосфере услышать что-либо было действительно трудно. А еще здесь с каждой минутой становилось все холоднее, так что я плотнее куталась в свою толстовку, раздраженно поглядывая на работающие на всю катушку кондиционеры и радуясь, что все-таки не надела сегодня платье. Все, что ни делается, – к лучшему.

Дверь в аудиторию в очередной раз хлопнула, и незадачливый студент даже попытался извиниться, пролепетав что-то про встречу с куратором, из-за которой он задержался, но профессор лишь махнул рукой и продолжил вещать.

Несмотря на то что образ университета в моем воображении утратил былое очарование, я все равно решила урвать от этих нескольких лет по полной, поэтому старательно записывала каждое сказанное лектором слово. Впрочем, знания были основной, но не единственной моей целью. Университет обещал новые знакомства и был отличной возможностью побывать на сумасшедших вечеринках, о которых еще в моем родном Лоренсе выпускники слагали легенды. Я даже пробежалась взглядом по аудитории, чтобы отметить для себя наиболее активных студентов, которые собрали вокруг себя еще не до конца сформировавшиеся группы почитателей. Если они умудрились проявить себя в первый же день, был смысл наладить с ними контакт.

На два ряда ниже я заметила свою соседку по комнате в общежитии, Эбигейл, которая приветливо помахала мне рукой. Ее пепельные волосы были заплетены в простую косичку, а персиковый блеск и практически полное отсутствие макияжа делали из нее просто пай-девочку. Вот только я уже провела с ней ночь в одной комнате и услышала пару телефонных разговоров, которые давали понять, что она та еще оторва.

– Привет, – знакомый голос заставил меня оторваться от обмена улыбками с Эби, и я резко повернула голову в сторону его обладателя. – У тебя сейчас резинка с волос упадет.

Я оцепенела. Понять то, что молчание затянулось, я смогла лишь в тот момент, когда ошалевшее от такого поворота сердце стало биться уже где-то в районе горла.

Чертов Кристофер Нолан. В скором времени сводный брат. Тупая заноза в заднице. Сюрприз-сюрприз!

Я смотрела на это сверкающее улыбкой чудовище, думая о том, как же сильно мне хотелось втащить ему хотя бы за то, что он, конечно, заранее знал о нашей предстоящей встрече, прекрасно осведомленный о том, на какое направление я поступила. Просто, похоже, забыл упомянуть, что он тоже собирался тут учиться. А еще за эту сладенькую улыбку на губах, которая раздражала не меньше лукавых огоньков в его глазах.

Я продолжала сидеть в оцепенении.

Почувствовав, что пальцы Нолана касаются моих волос, снимая резинку с почти распустившегося пучка, я вздрогнула. А потом затравленно решила списать мурашки на холод в помещении и прямо посмотрела на будущего сводного брата.

– Что за фигня?

Его карие глаза искрились самодовольством. Мои, наверное, были навывкате.

– Да брось, твой пучок уже не вывозил эту вечеринку, да и с распущенными волосами ты мне гораздо больше нравишься. – Он вытащил из рюкзака тетрадку и ручку и вальяжно раскинулся на скамье, лениво окинув меня взглядом.

Пока он безо всякого стеснения рассматривал мое онемевшее тело, я обратила внимание на то, как он был одет в этот раз. От прежнего лоска и выглаженных манжет не осталось и следа: свободная толстовка, простые джинсы и белые кеды делали его каким-то своим в доску, вот только я уже знала, что этот образ простого парня таил в себе очень непростого придурка, которого сейчас хотелось поставить на место.

– Да плевать на этот пучок и на то, что тебе нравится, а что нет. Ты мне лучше объясни: ты что здесь забыл? – Меня бесило то, как истерично звучал мой голос, но совладать с раздражением я не смогла.

Кристофер даже не усмехнулся в ответ.

– Я пришел сюда учиться, милая. Как и ты. – Его пальцы барабанили по столу, словно он пытался нарочно взбесить меня еще и этим.

И ему это прекрасно удавалось.

– Ну конечно, именно туда, куда поступила я. Какое совпадение!

Нолан снисходительно улыбнулся и наклонился чуть ближе, будто пытался объяснить что-то не слишком смышленому ребенку.

– Это действительно совпадение. Ты же знаешь, в Бостонском не так-то просто куда-то перевестись за короткие сроки. Я выбрал Школу права еще в январе.

– Но предупредить о том, что ты будешь учиться со мной, ты не посчитал нужным, да?

– Я просто люблю сюрпризы. – Его нахальный ответ еще больше вывел меня из себя, а дурацкая улыбка на его губах заставляла изнывать от желания вцепиться ему в лицо. – Перестань так на меня смотреть, считай, что я сравнял счет: меня в отличие от тебя не предупредили о помолвке родителей, вот и мне захотелось увидеть замешательство на твоём прелестном личике.

Звучало как-то не слишком справедливо. Я была не виновата в том, что мои отношения с мамой были достаточно *нормальными*, чтобы обсуждать ее помолвку и последующую свадьбу. Можно промолчать о запаре на работе или не слишком хорошем настроении, но утаить от своего ребенка то, что твоя жизнь в скором времени изменится до неузнаваемости, – как минимум странно. Вопросы были скорее к Мартину, который не удосужился сообщить своему родному сыну о том, что собирался жениться. Хотя, скорее всего, дело было в самом Кристофере. А точнее, в его непредсказуемой реакции.

– Все же стоило мне сказать, я бы нашла способ свалить отсюда. – Конечно, это было блажью, но мне хотелось сделать вид, что у меня был выбор.

– Да брось. Мы ведь теперь почти семья. – Мой скептический взгляд его не смутил. – Даже хорошо, что у нас так много точек соприкосновения. Узнаем друг друга получше.

Он невинно захлопал ресницами, но такими выкрутасами меня было не провести, потому я без зазрения совести продолжала плеваться сарказмом.

– У меня такое острое желание узнать тебя получше, что я подумываю переспать с президентом университета, лишь бы решить все проблемы со срочным переводом на другое направление.

– Лучше переспи со мной, я сам заберу документы.

Моя голова резко дернулась в сторону, но смешинки в его глазах немного меня успокоили. То ли из-за изменений в гормональном фоне все сказанное Ноланом я воспринимала острее, чем было нужно, то ли он действительно даже шуточные фразы говорил слишком серьезно.

– Президент Бостонского мне нравится больше.

– Да, но у него же дряхлая задница. – От этого нелепого аргумента я закатила глаза. – А еще в его возрасте секс опасен для жизни: будет грустно, если он умрет и не успеет подписать все, что тебе нужно, и тебе придется продолжить порочный круг из дряхлых старческих ягод.

– Может, я фетишистка?

Его рука упала на спинку скамьи позади моей спины, поэтому я отодвинулась к краю сиденья, чтобы Нолан не смог даже ненароком до меня дотронуться. Его близость заставляла чувствовать себя некомфортно, хотя я бы не сказала, что у меня когда-либо были проблемы в общении с противоположным полом.

– Тогда давай договоримся встретиться лет через пятьдесят?

– Надеюсь, ты к тому моменту уже помрешь.

Он почти засмеялся, а я закусила щеку, чтобы скрыть рвавшуюся наружу улыбку.

– С твоим именем на губах, – нарочито томно прошептал он.

Наша детская перепалка все же заставила меня улыбнуться, хотя я и не придумала ничего лучше, чем просто отвернуться от Кристофера, чтобы не тешить его самолюбие своими ответами. На парте лежала моя резинка, которую я тут же нацепила на руку, чтобы демонстративно собрать волосы в пучок снова. Нравится ему, видите ли, когда у меня распущенные волосы.

Выкуси.

Затем я подумала, что этот поступок был до ужаса наивным, и смешок сбоку это подтвердил. А потом около минуты я пыталась уверить себя, что с распущенными волосами мне было просто неудобно и дело вовсе не в том, что я сделала это назло Нолану.

Я ненадолго отвлеклась от мыслей о человеке, сидевшем слева, и расслабила плечи, пытаясь вслушаться в слова преподавателя. Как оказалось, ничего важного я не пропустила и все то время, что я соревновалась в остроумии с Крисом, профессор спорил со студентом по нескольким пунктам, которые я уже вывела в своей тетради.

– Можно перепишу у тебя то, что пропустил, пока он трещит не по теме?

Я неопределенно пожала плечами, подтолкнув свою тетрадь в его сторону.

При всей внешней привлекательности Нолан все же чем-то меня отталкивал. Помимо дерьмового характера и попыток вывести меня из равновесия, конечно.

Он разговаривал неестественно. Словно подбирал каждое слово, чтобы ни в коем случае не отойти от какой-то только ему известной схемы диалога. Вот здесь нужно пошутить, здесь улыбнуться, потом закатить глаза, расслабленно откинуться назад, дотронуться, снова выдать шутку. Не то чтобы у меня было достаточно времени, чтобы за ним наблюдать, но шаблонность Кристофера бросалась в глаза, потому доверять ему хотелось все меньше.

Можно подумать, я собиралась.

И я ругала себя за то, что мне, похоже, все же немного нравился его интерес ко мне. Да, ему, очевидно, что-то было от меня нужно, да, он явно ненавидел тот факт, что мы с мамой влезли в его размеренную жизнь.

Да, он наверняка собирался как-то отыграться на мне, иначе откуда его навязчивое желание заставить меня жить с ним в одном доме? Сразу же вспомнилась поговорка, которую цитировали в «Крестном отце» – держи друзей близко, а врагов еще ближе. Конечно, до статуса врага Нолана я еще недоросла, но в этом явно что-то было.

Я ему не нравилась. Это чувствовалось. Возможно, я как-то отталкивала его внешне, или его раздражало, как я говорила, и то, что говорила. Или всему виной был исключительно факт того, что моя мать собиралась выйти замуж за его отца – неважно. У Кристофера, судя по его агрессивному настрою, была какая-то цель. И для этого ему нужно было мое расположение. И последующий переезд.

Но, несмотря на то что я все это прекрасно осознавала, его заинтересованность и внимание все равно задевали во мне что-то глупое и девичье. Но, слава всем богам, не настолько, чтобы терять голову рядом с ним.

Нолан был действительно привлекательным парнем, поэтому я не винила себя за реакцию тела на его присутствие рядом. В конце концов его внутреннее уродство выдавал только пустой взгляд, а в остальном он был слишком в моем вкусе. И во вкусе многих девчонок в аудитории, судя по заинтересованным взглядам, которые прилетали в его сторону.

Но даже если мои выводы были ошибочными и в день знакомства наших семей Нолан просто был в плохом настроении и случайно наговорил ерунды, а теперь пытался как-то загладить вину и поиграть в хорошего брата, держать его на расстоянии вытянутой руки было не лишним.

Как говорят, лучше всегда ожидать самого худшего. Потому что в случае ошибки – ты приятно удивлен. А если оказываешься прав, смело можешь считать, что лучшего и не ожидал.

Инстинктивно отодвинувшись от своего будущего сводного брата, я заметила, как он скосил взгляд в мою сторону.

– Ты ведь в курсе, что я не кусаюсь?

– Откуда мне знать.

– У тебя будет отличный шанс убедиться в этом сегодня вечером.

Тут уже была моя очередь коситься в его сторону. Правда, Крис решил сделать вид, что очень увлечен переписыванием моей тетради.

– Ты о чем?

Он промолчал, усердно выводя последнее определение, что я успела записать. Я случайно заглянула в его тетрадь, тут же почувствовав себя неловко. В отличие от его каллиграфического в меру крупного почерка мои бисерные каракули просто стыдно было кому-то показывать.

– Мой отец звонил тебе сегодня утром, хотел позвать на семейный ужин, но *ты была недоступна*, – наконец сказал Кристофер, бросив эту информацию словно между делом.

И почему его последние слова казались такими двусмысленными? Или я сама подсознательно искала в его репликах подтекст там, где его не было?

– Телефон забыла поставить на зарядку. – И зачем я оправдываюсь?

– В любом случае он просил меня передать, что ждет тебя вечером. Из-за того, что ты и вчера вечером не брала трубку, твоя мама очень переживает. Ну, в перерывах между массажами, ужинами в дорогих ресторанах и горячим сексом с моим отцом. – С кривой улыбкой отдал мне тетрадь, парень устался на лектора, который наконец-то закончил спор. – Что, даже не съязвишь мне в ответ?

Конечно, он ждал от меня чего-то. А я была растеряна. Это же насколько нужно быть продуманным уродом, чтобы парой минут ранее почти талантливо изображать из себя нормального человека, а потом выдать что-то настолько низкое. И из-за того, что в голову не шло

ничего более остроумного, чем «Крис, ты тупой и мерзкий ублюдок», я просто решила промолчать. Черт с ним.

Я встретила взглядом с соседкой по комнате и улыбнулась, радуясь, что здесь был хоть один знакомый мне человек, кроме того недоразумения, что сидело рядом со мной.

Эби бросила заинтересованный взгляд на Кристофера и снова посмотрела на меня, заговорщически подмигнув, в ответ я скривилась и страдальчески помотала головой. Не могла же она подумать, что я прямо на лекции, да еще и в таком виде умудрилась подцепить парня?

И только потом я заметила, что все это время Нолан неотрывно смотрел на мой профиль. Намеки Эбигейл стали понятнее.

– Ну, чего тебе?

– В семь вечера, сто двадцать второй дом по Карлтон-стрит. – Закатив глаза, я отвернулась, но он снова привлек мое внимание, дернув за локоть. – Странно, что ты до сих пор к нам не заглядывала.

– Мне сейчас нужно оправдываться?

– Было бы неплохо.

Я выдернула свою руку из его цепких пальцев, злясь на его привычку меня хватать.

– Было бы неплохо, если бы ты оставил меня в покое.

Кристофер как-то странно посмотрел на меня и даже приоткрыл рот, словно собирался что-то сказать. Но не сказал. Просто молча продолжал смотреть. Его взгляд сквозил раздражением, хотя лицо оставалось равнодушным. Мне вообще казалось, что Нолан весь состоял из раздражения и равнодушия.

– В семь вечера. Не опаздывай.

В этот день в университете он со мной больше не разговаривал. И ни разу не сел рядом. Но зато вдоволь накормил странными взглядами.

Глава 4. Софи

– Есть ощущение, что с небес спустились ангелы, чтобы создать это совершенство, – закидывая в рот сразу целую горсть чипсов, пробормотала Эби. – Тебе повезло, что он обратил внимание на тебя.

Я закатила глаза, осознав, что моя соседка по комнате говорила о Кристофере: она уже полчаса листала фотографии в его ленте, оставляя лайк на каждой, и просто не могла сдерживать восхищенных комментариев. Где она откопала его страницу, спрашивать я не стала, во всяком случае, каждая из представительниц прекрасного пола на этой планете хоть раз превращалась в сталкера, когда дело касалось любовного интереса.

– Я же говорила, мы просто уже были знакомы. Наши родители помолвлены, ничего личного. – Я нервно посмотрела на дисплей телефона, чтобы в очередной раз проверить время. У меня оставалось не больше получаса на сборы, отчего желудок неприятно скрутило: я совершенно не была готова к этому пресловутому семейному сборищу, потому что не могла расслабиться, находясь в одном помещении с Ноланом. Ни физически, ни морально. – Он просто подсел ко мне, чтобы пригласить на ужин.

Кристофер вызывал интерес, безусловно, как любая книга с красивой обложкой, вот только на этой не было даже аннотации сзади, чтобы сделать вывод, стоило ли ее читать. Все внутри кричало о том, что этот шедевр литературы не стоил моего времени и лучшим решением было бы спрятать его в глубь полки в магазине, чтобы ни у одной любительницы легкого чтения не возникло желания это купить. Все его ужимки, агрессивные взгляды и гадкие ухмылки не желали покидать мое сознание, и я снова и снова прокручивала наш с ним диалог в аудитории университета, чтобы уловить то, что я могла пропустить. Какую-то дурацкую реплику или взгляд, которые могли бы намекнуть на то, что именно ему от меня было нужно.

– То есть позвал на свидание? – Голос Эбигейл выдернул меня из моих мыслей.

Девушка заискивающе смотрела на меня, ожидая ответа, и сердце отчего-то неприятно кольнуло: мне словно стало ее жаль. Моя соседка по комнате казалась умной девчонкой, хоть и готовой пуститься во все тяжкие время от времени. И если под «всеми тяжкими» подразумевать Кристофера, я искренне не хотела, чтобы Эби в итоге оказалась с разбитым сердцем. Своего новоиспеченного брата я не знала от слова «совсем», но в том, что он ни во что не ставил чувства людей, я не сомневалась. Его повадки просто кричали о том, что ни одна девушка не продержалась в его жизни дольше недели.

– То есть сказал быть в семь на семейном ужине, не придумывай, – раздраженно фыркнула я. – И, если честно, я не горю желанием туда идти. Кристофер явно меня недолюбливает.

– Брось, – Эбигейл скривилась. – Он просто пожирал тебя глазами на лекции.

– Милая, плотоядные взгляды не всегда означают что-то хорошее.

– А меня это заводит, – хохотнула она в ответ, не отрывая глаз от экрана. – Интересно, если я отлайкаю его как следует, он меня заметит? Раз уж ты на него не претендуешь.

Я лишь покачала головой, со вздохом поднявшись с кровати, чтобы дотащить свою задницу до шкафа с одеждой. Нарядиться я не собиралась, поэтому остановила свой выбор на базовом светлом свитере и прямых джинсах.

– Не проще ли самой ему написать, раз так хочется с ним пообщаться? – Я посмотрела на Эби, выглянув из-за дверцы шкафа, и встретила ее непонимающий взгляд.

– Ты с ума сошла? – Глаза девушки расширились в изумлении. – Это то же самое, что напрямую сказать: я никому не нужна, пожалуйста, подберите меня на помойке у обочины. Учись, пока я жива, Софи: мужчины – охотники, им неинтересно то, что находится в свободном доступе.

– Я думала, каменный век уже позади.

Натянув свитер, я заметила, что Эбигейл закатила глаза. Ее снисходительный тон немного меня раздражал, хотя ссориться с ней мне совершенно не хотелось. Хорошие отношения с ребятами на кампусе – залог спокойной жизни и безлимитных пригласительных на все студенческие мероприятия, официальные и не очень. Пренебрегать этим я не собиралась.

– С тех пор мало что изменилось, милая. Мужчины по своей природе – хищники. Им нравится сама мысль о том, что именно он, такой классный и особенный, завоевал самку. И чем больше таких побед в копилке, тем выше мужчина по статусу.

– Это называется «беспорядочные половые связи», Эбигейл, – практически с по-матерински снисходительной интонацией ответила я.

– Пусть так. Парни полигамны от природы, нам лишь остается с этим смириться и постараться сделать так, чтобы нас выбирали лучшие из них.

Тема, которую затронула моя соседка, неприятно резанула по ушам. Единственное, что я никогда не смогла бы простить другу или партнеру – это предательство. Измены шли вразрез с моим пониманием мира, особенно после расставания родителей. Они разошлись сразу же после того, как отец был пойман с поличным прямо в их с мамой спальне. Юную девушку, которая с позором выбежала из нашего дома в Лоренсе, никто не винил, конечно, но продолжать делать вид, что все в порядке, мама не смогла. Мы вскоре переехали к бабушке с дедушкой, родители даже продолжили нормально общаться, а я была всего лишь ребенком, который мало что понимал. Только когда мне стукнуло пятнадцать, мама подробно рассказала обо всем, что случилось. Даже спустя столько лет в ее глазах стояли слезы, и, хотя она говорила о великодушии и всепрощении, я поняла, что для меня верность станет жизненным принципом, от которого в ближайшем будущем я отказываться не собиралась. Самым дерьмовым в той ситуации было то, что, по рассказам мамы, отец уговаривал ее сохранить отношения, ведь мужчинам иногда «это» нужно. Разнообразие, новое тело в постели, задор – словно игра, в которой все были бы победителями. «Неважно, куда я ухожу, важно, куда возвращаюсь». Для меня эти аргументы не были оправданием.

– Полигамия не имеет отношения к полу, только к виду. Если ты считаешь женщин людьми, то чисто технически мы тоже полигамны, – строго начала я, начав наносить тон на лицо. – Те, кто оправдывают животными инстинктами свои походы налево, просто безмозглые существа. В современном мире опора на зов природы – чушь собачья. Если твой мозг контролирует то, что ты ходишь в туалет в специально отведенное для этого место, то почему он не может контролировать то, куда ты пихаешь свой член?

Эби наконец оторвала взгляд от своего телефона и смерила меня задумчивым взглядом. Я слегка подвела глаза и накрашила ресницы тушью в один слой, стараясь не отвлекаться на соседку, которая продолжала напряженно смотреть на меня, словно переваривая мои последние слова. После оформления бровей макияж был окончен, и я, устало выдохнув, взглянула на лежащую на кровати напротив девушку с немым «что?» в глазах.

– Знаешь, тебе будет тяжело построить отношения с такой философией, – подытожила она. – Я серьезно, Софи. Твои взгляды, конечно, очень прогрессивные, но природа еще не настолько очистилась³.

Я рассмеялась в ответ на ее отсылку к популярной в интернете шутке.

– Если речь про отношения с такими, как Нолан, то да. Но я, к счастью, люблю более адекватных парней.

– Кристофер Нолан, – девушка мечтательно закрыла глаза, смакуя его имя. – Звучит красиво.

---

³ В 2020 году, во время эпидемии коронавируса, в интернете появилась новость о том, что в каналах Венеции были замечены дельфины – известные ценители чистой воды. Автор статьи связал это с тем, что люди, соблюдая режим самоизоляции, стали меньше мусорить на улицах. Новость, скорее всего, была фейком, но мем завирусился.

– Так зовут известного режиссера, – вставила я. – Наверное, Мартин был поклонником его раннего творчества. Или просто совпадение.

– Эбигейл Нолан. – Соседка совершенно меня не слушала. – Звучит еще лучше!

Я лишь закатила глаза и махнула ей рукой на прощание. Уровень стресса автоматически повысился, как только я вспомнила яростные взгляды Кристофера, которыми он одаривал меня весь день в университете.

– Ты все еще работаешь, Софи? – участливо спросил Мартин, слегка улыбнувшись.

Мы снова сидели друг напротив друга с Ноланом-младшим, и я всеми способами избегала его прямого взгляда. С того момента как я вошла в их дом, мы не обменялись ни словом, если не считать дежурное «привет» на пороге, зато его глаза всегда смотрели в мою сторону.

Когда я училась в четвертом классе, мы ездили на экскурсию в местный террариум Лоренса, где в одном из аквариумов сидел огромный питон, который не сводил глаз с жавшейся в уголке белоснежной мышки. Угадайте, с кем я ассоциировала себя во время семейного ужина?

Питон Нолан нарочито медленно разрезал стейк, и я практически могла представить, как он с таким же изощренным удовольствием режет меня. Ногу, например. Я поморщилась, тут же почувствовав фантомную боль рядом со щиколоткой.

– Я уже не работаю, мне кажется, это будет сложно совмещать с учебой. Подработку я брала только на лето, чтобы накопить денег.

– И чем ты занималась? – вежливо спросил Кристофер, но меня все равно передернуло.

– Сидела с малышами. В целом, работа няней мне понравилась, хотя некоторые дети просто неугомонные. Всю жизнь я бы точно так не смогла. – Я нервно улыбнулась, глядя на отца Криса, пытаюсь собрать мысли в кучу. – Не представляю, как вы оба не повесились, пока мы были детьми.

В ответ на мою реплику мама и ее новоиспеченный жених улынулись.

– О, мой сын был очень спокойным ребенком. Такой деятельный и важный, даже игрушки сам за собой убирал без лишних напоминаний. – В голосе Мартина все же можно было уловить нотки гордости, хотя в первую нашу встречу он явно был недоволен поведением своего отпрыска, что было неудивительно, так как в тот вечер Кристофер вел себя откровенно похамски. На месте его отца я бы всыпала ему ремня по первое число, не оглядываясь на возраст. Что ж, иногда ангелочки, вырастая, превращаются в дьяволят.

Голос Кристофера, громко прозвучавший за столом, заставил меня вздрогнуть. Если честно, моя нездоровая реакция на этого гаденыша начинала меня пугать.

– Надеюсь, ты не начнешь всем показывать мои детские голенькие фотографии?

– Ну хочешь, покажу твои взрослые голенькие фотографии, – нашелся с ответом Мартин, и я прыснула в кулак, немного расслабившись. – Кристина, расскажи нам о Софи в детстве.

Я закатила глаза, потому что знала наверняка, о чем именно будет вещать моя мать. В отличие от своего названного братишки лет до шести я была просто неуправляемой, о чем не раз слышала от обоих родителей.

– О, она была чудесной малышкой. Ела песок, лазила по крышам и била совочком всех детишек на игровых площадках, потому что ей нравилось, как ребята смешно плакали и пускали соплю из носа. К школе она успокоилась, хотя я уже подумывала о домашнем обучении. – Мама улыбнулась.

– Ты преувеличиваешь, – отозвалась я.

– Ты выбила передние зубы Колину, когда тебе было пять.

– Они были молочными, не велика потеря. – Я практически не изменилась в лице, накладывая себе салат. – Через год они бы выпали сами, я ему, можно сказать, помогла.

Мартин засмеялся в голос, а я украдкой посмотрела на Кристофера, на лице которого не дрогнул ни один мускул. Не знаю, зачем я вообще ждала от него какой-либо реакции.

– Зато теперь у тебя дочь-умница, а у меня сын-хулиган. – Щеки жениха моей матери покраснелись от выпитого вина. – В старших классах он заставил меня поволноваться, поэтому мы решили, что ему будет полезно отслужить в армии, чтобы избавиться от излишней агрессии.

– Да-да, познакомьтесь, мой отец – один из ведущих психологов Бостона – засунул свое чашо в армию вместо того, чтобы помочь ему иным способом. – Кристофер говорил скорее саркастично, чем зло, но в его тоне прослеживалась обида.

Для себя я отметила, что он все же был старше меня на пару лет. Когда он вошел в аудиторию сегодня утром, я сделала логичный вывод, что мы ровесники, но теперь все встало на свои места: он действительно не был похож на моих сверстников, а потухшие глаза накидывали сверху еще лет пять.

– Я предлагал тебе терапию, ты сам отказался.

– Потому что это бред, – прозвучало довольно резко, поэтому все замолчали. – Я не верю, что это помогает. Люди несут тебе бешеные бабки за то, что ты слушаешь их и киваешь. В армии я хотя бы сменил обстановку.

– Не стоит обесценивать труд отца, Кристофер, – спокойно прокомментировала моя мама.

– Не стоит лезть не в свое дело, Кристина. – Поймав суровый взгляд отца, парень изменился в лице. – Простите, я не хотел, чтобы это прозвучало так грубо. Просто это большая тема для нас обоих.

Мама ободряюще улыбнулась.

– Все в порядке.

Судя по взгляду Нолана-младшего, ничего не было в порядке. Он явно был недоволен тем, что моя мама полезла к нему с советами. С ее стороны это было несколько неразумным, потому что Кристофер еще в первую нашу встречу дал понять, что не рад их скорому браку. Я слышала о том, что бывшая жена Мартина умерла пять лет назад. Наверное, Крис так и не смог смириться с ее потерей, поэтому так остро реагировал на любые попытки его вразумить.

– Как тебе студенческая жизнь, Софи? – Отец Кристофера был единственным человеком за этим столом, кто всеми способами пытался поддерживать непринужденную беседу.

– Сложно судить по одному учебному дню, если честно, но некоторые лекции были интересными, – будничным тоном начала я. – Была приятно удивлена, что мы с Кристофером учимся вместе. – Я лишь надеялась, что слово «приятно» не прозвучало слишком язвительно из моих уст.

– Ты тоже изучаешь право? – изумленно спросил Мартин.

Похоже, Нолан-старший действительно был не в курсе.

– Мама вам не говорила? – осторожно начала я.

– Милая, у нас есть много других тем для обсуждений, – отреагировала она. – Конечно, мы обсуждали, что наши дети будут учиться в одном университете, но про направления речь не заходила. Но это забавное совпадение, конечно.

– Да, очень.

– А как твоя соседка по комнате? – задал очередной вопрос Мартин.

Мне начинал нравиться этот мужчина, хотя бы своим неравнодушием, наличие которого сильно отличало его от сына.

– Эбигейл – хорошая девушка. Мы учимся вместе, так что будет проще с домашними заданиями и парными проектами, это большой плюс.

Кристофер сверкнул глазами и отвел от меня взгляд. Какого черта?

– Чудесный лимонный пирог, Кристина, – еле слышно произнес он. – Моя мама великолепно его готовила, смотрю, вы решили не отставать.

Вот оно, подтверждение моих слов. Он всеми силами пытался показать, что маме нет места в этом доме, на этой кухне, где раньше готовила совершенно другая женщина. Женщина, которую Кристофер так и не смог отпустить.

Сердце внезапно сжалось от сочувствия. Кажется, это была первая положительная эмоция по отношению к этому парню, хотя он, как и всегда, вел себя отвратительно.

Мне еще ни разу в жизни не приходилось переживать горе утраты, родители и бабушки с дедушками все еще были живы, поэтому я даже представить себе не могла, через что проходила семья Нолан несколько лет назад. Возможно, именно это событие так сильно отразилось на поведении Криса, на его взглядах на жизнь и стало причиной излишней агрессии к окружающему миру.

– Он покупной, выпечка – не моя сильная сторона, – спокойно отозвалась мама.

Я выдохнула, наблюдая за лицом Кристофера, снова ожидая хоть какой-то реакции. Атмосфера за столом накалялась, отчего всем стало неуютно.

– Не могли бы вы с Софи убрать со стола пустые тарелки? Мы с Кристиной пока посекретничаем. – Мартин попытался разрядить обстановку, и я восприняла его просьбу с небывалым энтузиазмом.

Пока я несла стопку тарелок из столовой до кухни и слушала размеренные шаги сводного брата за спиной, в голове крутилась мысль о том, что Кристофер на деле был просто обиженным на судьбу мальчиком. Наверное, в жизни каждого человека рано или поздно случается надлом, после которого оставаться прежним просто невозможно. С другой стороны, это никаким образом не оправдывало его скотское поведение: мне не нравились люди, которые постоянно ссылались на «у меня такой характер» и просили всех вокруг с этим мириться. Я не собиралась играть по его правилам. Если ты не в состоянии разгрести собственное дерьмо, постарайся хотя бы не обливать им других людей. Ты волен вести себя как ублюдок, пока находишься наедине с самим собой, в других случаях будь добр, учитывай границы окружающих. Никто не обязан терпеть твои выходки. Все эти вещи казались мне очевидными, и я не понимала, почему некоторые персонажи вроде Кристофера игнорировали эти прописные истины.

– Отлично выглядишь, Софи, – довольно холодно бросил Кристофер, оставив посуду рядом с раковиной.

Он посмотрел на меня рассеянным взглядом и сразу же отвернулся к окну. Парень словно подрастерял былую спесь, отчего начал казаться мне практически... нормальным?

– Спасибо.

Я поставила оставшиеся тарелки прямо в раковину и включила воду, чтобы их сполоснуть, совершенно игнорируя приятное чувство в груди из-за услышанного комплимента.

– У нас есть посудомоечная машина, если что.

– Тут всего пара тарелок, я справлюсь.

Прохладная вода приятно коснулась горячих рук: я была здорова, но накопившееся напряжение давало о себе знать, к тому же присутствие Кристофера и его странные взгляды явно поднимали температуру моего тела на пару градусов. Когда он встал сзади меня, якобы с целью подвинуть оставшуюся посуду ближе, меня практически бросило в жар. Я почувствовала, как он выдохнул мне в волосы. Могу поклясться, он сделал это нарочно.

Гаденьш.

Непрощенные мурашки побежали по позвоночнику, и я зажмурилась, чтобы немного прийти в себя.

– И пахнешь ты просто потрясающе, знаешь?

Он провел ладонью по моему плечу, и я закусила нижнюю губу от осознания, что даже через ткань свитера его прикосновение обжигало. Мне не нравилась реакция моего тела на этого парня, не нравилось внезапно возникшее желание оказаться чуть ближе, чтобы насладиться невинной лаской. К счастью, мой разум победил в борьбе за адекватность.

– Да, я в курсе. Я просто моюсь время от времени. – Чтобы спугнуть Кристофера, я брызнула в него мыльной водой, что тут же возымело эффект: Нолан-младший отступил на шаг и в изумлении поднял свои очерченные брови. А я замерла в ожидании, чем же он ответит на мою детскую выходку, но парень просто молча смотрел на меня. – Нечего строить мне глазки, Кристофер. Мне надоели твои игры. – Я вложила в свой голос максимум строгости.

– О чем ты? – Он лукаво подмигнул.

Я брызнула в него еще раз.

– Сначала ты испепеляешь меня взглядом в «Брикко», словно хочешь убить...

– Я просто был морально не готов ко всей информации, которая навалилась на меня за один день, – парировал Кристофер.

– Затем ты начинаешь со мной любезничать и подводишь до дома...

– А смысл ссориться? Мы же теперь почти семья. К тому же я был уверен, что мы будем жить вместе, не хотелось портить отношения. – Он словно готовился к этому разговору, как к викторине, потому что отвечал быстро и без пауз.

Я лишь раздраженно выдохнула, не имея ни малейшего желания проигрывать в этой схватке.

– Портить отношения? Ты хамишь мне и хватаешь чуть ли не до синяков при любом удобном случае! – Возможно, про синяки я слегка преувеличивала.

Нолан расслабленно оперся пятой точкой о столешницу рядом с раковиной и повернул голову в мою сторону, пока я домывала последнюю тарелку. Похоже, он осмелел, потому что, даже зная, что может получить очередную порцию мыльной воды в лицо, встал максимально близко ко мне. Мы практически касались друг друга плечами.

– Я бы не назвал это хамством. Скорее дружескими перепалками, – Крис широко улыбнулся, демонстрируя десны. – А то, что я иногда до тебя дотрагиваюсь: признаюсь, виноват, поэтому прошу прощения. Не могу удержаться.

– Очень смешно.

– Никаких шуток. Ты очень красивая, Софи.

Я была уверена, что мои и так едва заметные веснушки совсем потерялись на фоне румянца, разлившегося по щекам. Не так уж и часто я получала комплименты, чтобы спокойно на них реагировать, даже если этот был от человека, который мне совершенно не нравился (возможно, здесь я немного лукавила).

Для домашнего ужина Кристофер выбрал простой свитшот и прямые мягкие брюки: похоже, он был одним из тех парней, которые следили за трендами и носили исключительно брендовое шмотье. К слову, ему это действительно шло, и вкус у него определенно был. И да, да, уговорили, выглядел он просто потрясающе, поэтому его недавний комплимент о моем внешнем виде начал казаться голимым враньем: даже мои парадно-выходные вещи из сэконда не шли ни в какое сравнение с тем, что он позволял себе носить дома. Ну и ладно, зато я не жук-вонючка, который пристаёт к милым девушкам и портит им жизнь.

Осознав, что замерла, так и не выключив воду, я наконец пришла в себя, отогнав навязчивые мысли.

– Оставь свои комплименты для девчонок, которых будешь кадрить.

– В таком случае еще раз повторю: ты очень красивая.

Он произнес это практически шепотом. Я даже опешила.

С мокрых рук капала вода, звонко ударяясь о раковину. Все вокруг словно замерло, а что-то внутри неприятно сжалось. Я пыталась сосредоточиться на размеренном «кап-кап» и прогнать лишние мысли из головы, но они все равно лезли, не спрашивая разрешения.

Нет смысла отрицать, мне приятно, что он считал меня привлекательной. Но от этого становилось только страшнее.

Нужно взять себя в руки, перестать ходить вокруг да около и найти в себе силы спросить обо всем прямо. Эти разговоры ни о чем начинали выводить из себя, особенно потому, что я каждый раз чувствовала себя проигравшей в наших словесных битвах. И я ненавидела это. От прежнего задора не осталось и следа. Я быстро вытерла руки о мягкое полотенце, встала максимально близко к Кристоферу, насколько позволяла моя смелость, и со всей серьезностью произнесла:

– Что тебе от меня нужно? Чего ты ко мне цепляешься, зачем хочешь, чтобы я переехала в ваш дом? – Кристофер рассматривал меня изучающим взглядом, не меняясь в лице. Я вздернула подбородок, чтобы не казаться совсем уж жалкой на его фоне, и даже практически не вздрогнула, когда Нолан схватился за него пальцами. – Хватит со мной играть.

– Я еще даже не начинал, – прошептал он, и мне всего на мгновение показалось, что он потянулся ко мне, но, даже не успев в этом убедиться, я быстро отпрянула. – Давай будем считать это моей личной прихотью. Разбушевавшейся фантазией недавнего подростка, который пересмотрел порнороликов о сводных сестренках.

– Фу, – ответила я, поморщившись.

Крис коротко рассмеялся.

– В общем, не имеет значения, зачем мне это нужно. Ты в любом случае рано или поздно будешь жить с нами, потому что я так хочу. А если я чего-то хочу, меня мало что останавливает.

– Ты в курсе, что мир не крутится вокруг тебя?

– Слышал об этом.

Разозлившись, я бросила полотенце, которое все еще комкала в руках, на столешницу рядом с Ноланом. Из столовой послышались голоса наших родителей, которые просили нас побыстрее вернуться, чтобы продолжить наш неуютный семейный вечер.

– После твоих слов – последнее, чего я хочу, так это жить с тобой под одной крышей, – процедила я сквозь зубы, но Кристофера, казалось, это только забавляло.

Помните, недавно я почти прониклась к нему сочувствием? Забудьте. Я снова презираю его всей душой.

– Тем интереснее. – Он аккуратно повесил полотенце на крючок, чертов перфекционист. – Думаешь, я не найду способ все переиграть?

Он весело поиграл бровями и медленно двинулся в сторону столовой.

– Удачи, – бросила я ему в спину.

Кристофер развернулся и одарил меня еще одной довольной улыбкой.

– Как, ты сказала, зовут твою соседку по комнате? Эбигейл? Такая светленькая, сидела с нами в аудитории, верно? – Он практически смеялся, пока я сжимала зубы от злости. – Кажется, она сегодня очень активно мониторит мои социальные сети. Как настоящий джентльмен, я не могу обделить даму вниманием, верно?

Я ничего не ответила. Лишь проглотила рвавшееся наружу «не-е-е-ет».

Глава 5. Кристофер

Ее худые, практически высушенные пальцы сжимали мою руку изо всех сил, но сильнейшая слабость и ударная доза обезболивающего, которую ей вкололи за полчаса до моего прихода, делали это прикосновение практически неосязаемым. Она пыталась вкладывать всю свою энергию в объятия, которыми время от времени все еще могла одаривать меня при наших недолгих встречах, но на деле ее ладони совершенно невесомо порхали по моим плечам, словно крылья умирающего мотылька, обжегшегося о лампу. Вокруг ее головы снова был обвязан цветастый шелковый платок, чтобы я не мог видеть отсутствие шикарных густых волос. Словно этим можно было меня обмануть. Словно можно было хотя бы на миг создать иллюзию того, что это всего лишь модный аксессуар, а вовсе не тщетная попытка скрыть последствия страшной болезни.

Я не мог видеть то, что творилось за окном, картинка словно специально была размыта кистью в фотошопе; единственный объект, который имел хоть какую-то резкость, – комфортабельная койка с матрасом уродливого синего цвета, на которой лежала мама, выдавливая улыбку, чтобы меня не расстраивать. Мое настроение стояло на вершине иерархии ее потребностей, а собственные нужды, нестерпимую боль и угасающее тело она бросила куда-то к подножию.

– Как ты себя чувствуешь?

– Гораздо лучше, – тише обычного произнесла она.

Это было откровенной ложью, мы оба это прекрасно понимали. Отец, конечно, делал все возможное: искал именитых врачей, договорился о частной палате в лучшем онкоцентре города, но коварная болезнь по-прежнему забирала самого дорогого для меня человека с неукротимой скоростью. Просто было слишком поздно. Мама долгое время списывала постоянную усталость на возраст и метеозависимость, а боли в желудке на неправильное питание. Она таяла на глазах, но упорно говорила, что потеря веса лишь следствие ее очередной мегаправильной диеты. Потом ее стошнило кровью. С того дня дома она не ночевала.

В клинике четвертую стадию ей поставили практически сразу, затем честно сообщили, что шансов практически нет. Но мама, вечно улыбающаяся, шутившая на тему того, что нарочно схлопотала болезнь, названную в честь ее знака зодиака, не верила ни во что из сказанного и продолжала сетовать на то, что ее зря не выпускали из госпиталя и что дома она бы пошла на поправку гораздо быстрее. Мы с отцом доверяли врачам больше, чем нашей неискоренимой оптимистке, потому что ни один из вводимых ей препаратов не менял ситуацию в лучшую сторону. Метастазы перешли на другие органы, их было столько, что надежды на операцию не было. Во всяком случае, после непродолжительного, но самого эффективного из имеющихся лечения нам было сказано, что врачи помочь ей не смогут, лишь постараются облегчить последние дни ее жизни.

Просыпаясь каждое утро, я боялся увидеть сообщение от отца с текстом, который я даже не осмеливался сформулировать в своей голове. Затем после школы я бежал к маме, чтобы сидеть вот так на краю больничной койки, держать ее руку, игнорируя трубки, торчавшие из ее носа и сгибов локтей, чтобы улыбаться ей и рассказывать, что моя одноклассница с красивым именем Мелисса в очередной раз отказала мне в свидании. Этой девчонке не нравилось, что при улыбке у меня оголялись десны, но мама всегда говорила, что это моя изюминка, и рано или поздно все девушки будут поголовно в меня влюбляться и буквально стоять в очереди, чтобы со мной познакомиться. А еще она смешным голосом добавляла, что я ее куколка и красотулечка, на что я всегда кривился и закатывал глаза.

– Я рад, что ты улыбаешься, – произнес я, чуть сильнее сжимая тонкое запястье. – Ты такая красивая.

– Это все химия, добавляет свежести лицу, – хихикнула мама. Вот она, такая живая, хоть и порядком ослабевшая, такая родная, правильная, всегда знающая, как поднять мне настроение. Ее рука была теплой, по артериям циркулировала кровь, она дышала и пахла домом. Ее собственный запах слегка смешивался с больничным, но все еще был уловим и успокаивал мою нервную систему. – Мартин сказал, что вы опять поругались.

Я закатил глаза и перевел взгляд на окно, но снова не увидел ничего, кроме размытых стен и абсолютно белого пейзажа. Острое чувство дежавю заставило сердце биться быстрее. Казалось, что мы уже говорили об этом раньше, хотя в этом не было ничего удивительного. Мы часто ссорились с отцом в последнее время: несмотря на все его старания, я был уверен, что он делал недостаточно, чтобы помочь маме. У меня складывалось впечатление, что он опустил руки, а эти его снисходительные и потерянные взгляды просто выводили из себя. Отец не имел права сдаваться.

– Ничего серьезного, не волнуйся. Просто повздорили.

– Будь терпимее, – в ее голосе было столько нежности, что я почувствовал ком в горле. – Он делает все, что от него зависит, ему тоже непросто, ему нужна твоя поддержка.

– Моя поддержка нужна тебе. – Я нахмурился.

– У меня и так все хорошо, – беспечно ответила мама, закрывая глаза, словно устала держать веки открытыми.

– Мам...

Сердце билось о грудную клетку, в горле пересохло хлеще, чем после бурной пьянки, и я практически завыл, когда открыл глаза. Руки мелко дрожали, как и все мое тело. Я ощущал, что мне тесно в собственной коже, простыни неприятно липли к мокрой спине.

Этот чертов кошмар преследовал меня не первый год, но я так и не смог к нему привыкнуть.

По словам отца, раньше я кричал во сне, теперь этот процесс получалось контролировать лучше.

В своих снах я бы хотел видеть маму здоровой, игриво воркующей с папой, готовящей блинчики нам на завтрак или копающейся в саду в очередной попытке вырастить любимые кустовые розы, которые безбожно погибали каждый год, потому что садовод из нее был откровенно никудышный. Но каждый чертов раз я видел ее в больнице, прикованной к постели, улыбающейся мне из последних сил.

На следующий день после того разговора у нее остановилось сердце. Я все же получил то страшное сообщение от отца.

Мамы больше нет, Кристофер.

И меня тоже, казалось, больше уже не было. Словно я висел над очень глубокой пропастью, зацепившись за тонкую ниточку, которую оборвали одним коротким предложением в СМС, и вот я уже летел вниз на самое дно, которого даже не было видно. Я знал, что из этой пропасти рано или поздно придется выбираться, но у меня не было ни желания, ни сил. Только бесконечная тоска и тяга заглушить боль всеми известными человечеству способами.

Церемония прощания, похороны и вечер, который мы провели с родственниками у нас дома, чтобы отдать маме дань памяти, стерлись из моего сознания, чему я был только рад. Я ни с кем не разговаривал, все время держался в стороне. По словам отца, ко мне даже никто не осмелился подойти, потому что мое состояние было очевидным.

А потом я начал много пить и связался с не самой лучшей компанией. Все они были моими сверстниками, но учились мы в разных школах, поэтому никто не знал о том, что у меня никогда не было нужды воровать в магазинах или таскать кошельки в темных подворотнях. В этих делах я обычно не участвовал, но некоторые из моих новых друзей не просыхали, поэтому часто попадали в какие-то разборки. Это было моей любимой частью. Драться по

любому поводу, а иногда и без – отличная возможность выпустить пар, и я этим пользовался. Два года в армии помогли мне немного избавиться от агрессии, хотя с появлением Кэрролл и ее мамы прежние замашки начали возвращаться.

Я никогда не был дураком: я понимал, что мой отец – все еще молодой мужчина, я знал, что ему захочется любви и заботы, секса, новых впечатлений. Просто в этот раз все было по-другому. В этот раз отношения отца не носили временный характер. Теперь в нашем доме повсюду были побрякушки Кристины, на кухне снова пахло едой, в мусорном ведре отсутствовали контейнеры из доставок, а папа все реже запирался в кабинете допоздна, предпочитая проводить вечера с новоявленной невестой перед телевизором в гостиной.

Наверное, в какой-то степени я завидовал ему, потому что он смог двигаться дальше, переступить ту страшную главу в нашей жизни. А я не смог.

Не смог спасти маму, не смог сам справиться со своей злостью, не смог принять выбор отца связать себя узами брака с другой женщиной.

Практически все наши семейные портреты перекочевали в коробку на чердаке, чтобы у их будущей семьи была возможность начать жизнь с чистого листа и избавиться от призраков прошлого.

Призраков, которые не прекращали преследовать меня.

Вот только самого себя я никак не мог засунуть в коробку. Не мог переместиться в ней на чердак, чтобы все обо мне благополучно забыли. Словно меня никогда и не было.

Холодный душ привел мозги в порядок, я смыл с себя остатки липкого сна и практически избавился от образа матери, стоявшего перед глазами. Я не хотел ее забывать, просто продолжать жить этой потерей больше не мог.

Я должен был взять себя в руки, нацепить на себя дежурную улыбку, написать Шону или Иве, что скоро приеду в гости, чтобы поделиться новостями. Мы слишком долго не виделись, и меня практически начинало ломать от переизбытка информации, которую нужно было куда-то выплеснуть, а лучших слушателей, чем эта безумная парочка, у меня не было. Как не было и сил сдвинуться с места.

Сделав над собой усилие, я все же потянулся за телефоном и закатил глаза, увидев семнадцать уведомлений от пользователя с именем Эбигейл Джонсон. Терпеть не мог, когда люди писали по триста сообщений вместо того, чтобы сформулировать мысль в одном, благо я имел привычку отключать звук на мобильном в ночное время, чтобы не просыпаться от бесконечного пиликания.

Эта девчонка, в целом, была неплохой, хоть и чересчур навязчивой. Во всяком случае, мы находили общие темы, могли вместе над чем-то посмеяться, она вела себя не слишком вызывающе и иногда вставляла забавные комментарии. Но складывалось впечатление, что она словно открыла ящик Пандоры и собиралась использовать по максимуму тот факт, что я проявил к ней интерес: я написал ей сразу же после семейного ужина в понедельник, сыграв в хорошего мальчика, который просто не смог пройти мимо профиля такой красотки, а в среду Эбигейл уже была в моей постели. Кто бы сомневался. Хотя она вполне могла бы поломаться для приличия.

Я был практически уверен, что заноза-Софи планировала рассказать ей о моем маленьком шантаже, но, судя по всему, Кэрролл молчала, и причина этого мне пока была неизвестна. Вероятно, девушки были не настолько близки, чтобы моя сводная сестра сразу же начала отстаивать честь новой соседки. Мне это было лишь на руку.

Впрочем, Софи все так же не собиралась к нам переезжать и не велась на мои игры. Она успешно игнорировала меня всю неделю в университете, хотя я и сам не особо читил ее своим вниманием: Эбигейл могла что-то заподозрить раньше времени, поэтому по большей части я проводил время с ней. К моему глубочайшему разочарованию, Софи в нашу сторону даже не смотрела, не было ни намека на интерес или ревность с ее стороны, хотя я мог поклясться,

что в тот вечер понедельника, когда мы остались с ней вдвоем на кухне, она была буквально в пяти минутах от того, чтобы прижаться ко мне и позволить себя поцеловать. Она краснела, как школьница, теребила полотенце в худых ручонках и дрожала каждый раз, когда я сокращал расстояние между нами даже на пару дюймов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.